

Мессенберг
10.11.98

11.4.98

Дорогие средства выразительности

Гастроли Большого театра в Петербурге

Петербург уже увидел пять из шести спектаклей, привезенных оперной труппой Большого театра в рамках обменных гастролей. Мы попросили высказаться о них петербургских критиков.

Михаил Билик: Шесть по разу играющих спектаклей расположились в гастрольной афише вольготно, с паузами в один-два дня, дабы не переутомить постановочную часть, артистов и завсегдатаев театра. Попасть на представление трудно, но это усиливает столь желанный для зрителей гастрольный ажиотаж.

Все исполняется с подъемом, и даже изрядно осевшие спектакли приподнялись до уровня премьерных. Лидировали Чайковский и Рахманинов, поставленные Покровским в содружестве с Левенталем и Бархиным и вдохновенно продирожирванные Андреем Чистиковым. Великий режиссер сумел раскрыть смысловые глубины партитур, а драматургические просчеты гения обратить в достоинства. замедленность действия — в эпическую величавость, размытость идеи — в ее многозначность. Меломанов растрогала «Травиата» с молодыми и обаятельными героями, очень, — может, даже чрезмерно, — красиво сценически решенная Васильевым и Бархиным и элегантно проведенная мастером Петером Феранцем.

Знаменитые оркестр и хор в значительной степени сохраняют свои прежние достоинства. Вот только музидирция совместно, слишком часто оказываются не вместе. Что касается солистов, то едва ли не все ведущие партии обеспечены яркими голосами, партии же второго плана — нет, и это ведет к досадным нарушениям ансамбля. Вообще же тут много хороших, почти отличных (от уж это труднопреодолимое «почти») певцов. Но очень недостает крупных

личностей, магической воздействующей на аудиторию. Пока был представлен один такой артист — Владимир Маторин, выступивший в роли Сусанина.

Нора Потапова: Три увиденных мною спектакля определили проблемы Большого. Основная — проблема культуры пения. Большой обладает достойными голосами. Однако ныне в главном российском театре дистанция между наличием голоса и умением петь слишком велика. Аида в первом акте издает задушевные горловые звуки, во втором детонирует и лишь в финале обнаруживает признаки лирического сопрано. Амнерис так форсирует звук, что о кантилене приходится забыть. В этом спектакле порадовал умением петь лишь Т.Мартинсон — Рамфис. В «Травиате» контраст составили благородное бельканто Ларисы Рудаковой и по-настоящему эмоциональные выкрики богатого тенора М.Дидыка. Жермон-старший устал и без того несчастную пару своим форсисмом «Колокола» — добросовестно выученный вокальный урок.

Неплохо хвалять за стилевое попадание «Франчески да Римини» Бориса Покровского. Но — где совпадают намерения постановщика и дирижера (Андрея Чистикова), там и пение слуха не оскорбит.

При невольном сопоставлении «Франчески» и «Аиды» всплывает вторая проблема — выбора режиссеров. «Аида», увы, доказала несостоятельность Эркина Рабинова. просто глупое зрелище без внутреннего действия. Бессмысленные передвижения актеров по сцене действием назвать нельзя. «Травиата» — корректное оперное представление, дополненное хореографическими эскизами на музыку оркестровых интермедий. Если эти эскизы изыскать, ничего не изменится. Отношения персонажей разработаны и благодаря пласти-

ческой определенности вполне читаемы.

Что в Большом хорошо, так это Сергей Бархин. Все три его работы красивы, имеют драматургию цвета, света и форм, идущую от музыки. Остальное — дело вкуса.

Иосиф Райский: Два спектакля Большого — ключевые, чтобы оценить ситуацию в современном музыкальном театре. «Орлеанская дева» Покровского и Левентали — пример доведенной до абсурда режиссерской власти в опере. Когда патриарх пускается, задрав штаны, в постмодернистские игры, — в пору развести руками. Это даже не реабилитированная эклектика, а попросту смешение французского с нижегородским. На сцене творится месса (якобы высокая) вперемешку с зарисовками в духе русской натуральной школы. Смешались в кучу — ангелы, люди (из людской), кавалеры и дамы в готических костюмах, менестрели, андроповская дуковая банда во фраках, балетные... Доглаваясь, как несвободна Иоанна — Марина Лапина в навязанных ей мизансценах, мешающих превосходной певице. Уж лучше героико-патриотическое житие св. Жанны, нежели пародия на мистерию.

Послевоенный «Сусанин» в новой сценической редакции утопил музыкантскую жажду по шедеврам Ильинки, давно не идущему в городе его премьеры. Сколько бы ни ругали постановку за сталинский ампиризм, за оркестр и хор, за ансамблевую дисциплину — спектакль целен. Уютная режиссура Баратова, декорации Вильямса, танцы Захарова — прилагательные к музыке Ильинки, а не повод к самовыражению.

Кира Верникова: Юным петербургским душам, впервые встретившимся со сценическим обликом «Сусанина» в версии Большого театра, почти не досталось того, что так любил при заочном зна-

комстве — классицистской прозрачности хорových эпизодов, чистоты мелодической линии даже в самых глубокомысленных соло. Зато оправдился все опасения, вызываемые традиционным имиджем главной русской патриотической оперы: митинговая интонация хорového скандирования, пение — преодоление трудностей. В ансамбле с таким вокалом оркестр молчаливо соглашается, в меру живо излагая свою часть партитур (то же и у Верди). Сценическое решение ни восторгов, ни вопросов. Странно лишь, как обильно приспаяно действие крестьянскими знаменьями. Красивые картинные-декорации умиляют как старые открытки, как фон для небезупречного «концерта в костюмах».

На итальянской почве с пением стало полетче: два сопрано — Зеленская и Рудакова доказали, что Аида и Виолетта, если они есть, следуют привлекательной лобовой трактовке Верди. Сын и отец Жермоны — Дидык и Черныш — подтвердили другой трюизм: певец самой шедрой тембровой одаренности может испортить роль набором привычных вокальных пошлостей, что особенно заметно в ансамбле с мягким и изменчивым, без аффектации, пением Рудаковой.

Разочарование всех трех постановок — отсутствие претензий на что-либо. Большой театр не пытается сделать больше, чем просто изложить в лицах и картинках оперные житы. Сценария нет, и картина и наряды, режиссура деликатна. Скромное авторское начало бережет постановщика от явных неудач, а вкусному эксперименту зрителю Марининки остается лишь следить, справятся ли москвичи с вокальной строчкой.

Подготовил
ПАВЕЛ ГЕРШЕНЗОН,
БОРИС ФИЛАНОВСКИЙ